

Сверхъестественный Островский

Николай Пастухов в пьесе «Поздняя любовь»

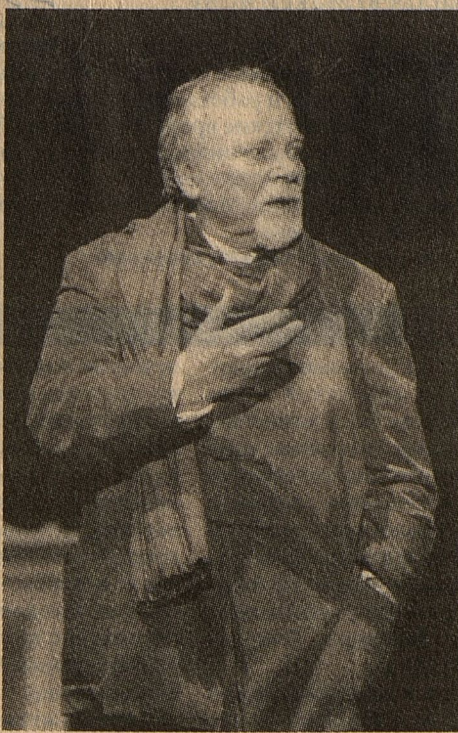
коммерсантъ, 8. - 2003 - 25 апр. - с. 21
премьера театр

В Театре Российской армии поставили «Позднюю любовь» Островского. Титан русской драмы в нынешнем сезоне стал самым востребованным драматургом, и военный театр поступил разумно: вложил в репертуарный урожай Островского не самой популярной его пьесой. Ролью Маргаритова в «Поздней любви» отмечает свое 80-летие один из самых удивительных московских актеров Николай Пастухов. Только ради него стоит посмотреть спектакль, считает РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

Да простят меня тень Александра Николаевича Островского, художественный руководитель постановки Борис Морозов, режиссер Ансар Халиллуллин и все занятые в спектакле актеры, но на «Позднюю любовь» пошел я ради Николая Пастухова. Он играет старого адвоката Маргаритова. Имя Пастухова не пишут крупными буквами на уличных перетяжках, дни его рождения не отмечают в светских хрониках и не зовут его на ток-шоу в телеящик. Он и никакая не звезда, не знаменитость, и не, прости господи, ньюсмейкер, а всего лишь выдающийся

русский актер. Никогда не видел, чтобы Николай Пастухов играл неинтересно. Даже в самом унылом, нелепом спектакле, доведись актеру Пастухову в нем участвовать, он непременно огородит себе суверенную территорию, найдет, что сыграть и как сделать, чтобы от него было глаз не отвести. Слово «играть», впрочем, не очень подходит для определения сути совершаемого на сцене Николаем Пастуховым. Потому что в его присутствии игра проявляется у всех остальных актеров (у одних эта самая игра более содержательна, у других менее), а он сам обнаруживает некое удивительное соединение с самой материей жизни. Обычно такое явление называется словом «естественность», но его давно успели израсходовать на пустяки. Так что качество Пастухова надо уже называть «сверхъестественность».

Хотя проявляет его актер сильнее всего не в переломных, а самых что ни на есть обычных сценических ситуациях. Надо видеть, как пересчитывает дрожащими пальцами честный старик Маргаритов вверенные ему документы, обнаруживая пропажу одного из них. Как воодушевляется возможностью нежданного заработка. Или как рас-

сказывает о прошлых невзгодах своей судьбы и, перед тем как вспомнить о смерти жены, вдруг оживает, встряхивает головой и закрывает лицо руками, как будто речь пойдет о событии фантастическом, необыкновенном. В таких вот непредвиденных деталях-откровениях, которых у Николая Пастухова находится немало, как раз и таится секрет убедительности актера. Именно в мелочах непрерывного течения роли заключена безыскусная изощренность его работы.

Маргаритов Пастухова безгрешен, хлопотлив и жалок так, как бывает жалок человек, постоянно кичащийся своей честностью. Он трогателен, когда хлопочет о засидевшей в девушках дочке и когда причитает глуховатым голосом, и он же очень смешон, когда обличает гуляку и транжиру Николая, сына Шабловой, хозяйки небольшого дома, где старик квартирует. И он по-своему величествен, когда торжествует над посрамленной обманщицей, вдовой Лебединой. Природу русского человека в условиях развивающегося капитализма Островский поз-

Герой Николая Пастухова убедил всех в торжестве добродетели ФОТО МИХАИЛА ГУТЕРМАНА

нал и описал для театра лучше всех своих современников. Деньги и любовь всегда борются у него за власть над человеком. Сам драматург знал силу театрального поучения, верил в нее и в утешение страждущим зрителям почти всегда присуждал победу любви. Так что в нынешней его востребованности (впрочем, Островский приходит на сцену волнами с периодичностью в несколько лет) никакого особенного секрета нет.

Режиссер Ансар Халиллуллин, дебютирующий этим спектаклем в Москве, неглупо рассудил, что, если никаких кардинальных концепций не придумалось, лучше просто последовать вслед за драматургом. Который был не просто великим бытописателем, психологом и распорядителем живого русского языка, но еще и мастером драматургической интриги. Сюжет «Поздней любви» закручен у Островского почище, чем у прожженных голливудских драмателов. Здесь есть и добровольные жертвы во имя любви, и подлог, и кража, и авантюрное сожжение в печке векселя, который потом оказывается и не векселем вовсе, а его копией. Ну, разумеется, и финальный хеппи-энд, в котором влюбленные соединяются, а ста-

рик уходит на покой и оставляет оказавшемуся благородным человеком зятю свою практику.

Самым смелым человеком из постановочной группы оказался художник Николай Шаронов. В духе средневропейской сценографии он по диагонали разрезал пространство холодной серой стеной, выставив вперед нее одинокое кресло, а весь натурализм убогого домашнего интерьера разместил в проеме стены, за отдергивающимся прозрачным занавесом. Впрочем, это стилистическое двоемирие художника в игре актеров никак не сказалось. Они играют так, как играли бы в абсолютном царстве исторического бытоподобия. Играют историю, расцвечивая текст по мере ситуативной необходимости. Ведут «Последнюю любовь» к сентиментальному, морализаторскому финалу, на котором Малый зал Театра армии то и дело взрывается победоносными аплодисментами. Не знаю, где еще, кроме театра, утверждение о победе чести и благородства способно вызвать сегодня такую неподдельно искреннюю и бурную овацию. Дух Островского наверняка покидает театр в хорошем расположении.